

УДК 61:174

Белоусова Елена Валентиновна

доцент кафедры философии, биоэтики
и культурологии Уральской государственной
медицинской академии (г. Екатеринбург)
E-mail: elena-valentinovna@mail.ru

Belousova Elena Valentinovna

Assistant Professor at the Chair of Philosophy,
Bioethics and Culturology, Ural State Medical
Academy (Ekaterinburg)

**ОБРАЗ ВРАЧА-ФИЛОСОФА
И МОДЕЛИ ВРАЧЕБНОЙ ЭТИКИ
КАК КУЛЬТУРНЫЕ ФОРМЫ**

**THE IMAGE
OF THE DOCTOR-PHILOSOPHER
AND THE MODELS OF MEDICAL
ETHICS AS CULTURAL FORMS**

Аннотация

В статье исследуется историческое взаимодействие таких культурных форм, как образ врача-философа и модель врачебной этики. На примере личности и творчества знаменитого Парацельса анализируется их смысловое развитие и обогащение, прежде всего в нравственно-духовном аспекте.

Ключевые слова: врач-философ; герметическая философия; Гиппократ; культурная форма; исторические модели врачебной этики; Парацельс.

Abstract

The article explores the historical interaction between such cultural forms as the image of a doctor-philosopher and the models of medical ethics. Semantic development and enrichment are analyzed by the example of the famous Paracelsus's personality and works, most of all their moral and spiritual aspects.

Keywords: doctor and philosopher; hermetic philosophy; Hippocrates; cultural form; historical models of medical ethics; Paracelsus.

*Врач – философ;
ведь нет большой разницы
между мудростью и медициной
Гиппократ*

Впервые образ врача-философа в античной культуре создается «отцом медицины» Гиппократом. В работе «О благоприличном поведении» Гиппократ писал: «Ведь врач-философ равен богу. Да и немного, в самом деле, различия между мудростью и медициной, и все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совесть, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что полезно и необходимо для жизни, отвращение к пороку, отрицание суеверного страха перед богами, божественное превосходство. То, что они имеют, они имеют против невоздержанности, против корыстолюбивой и грязной профессии, против непомерной жажды приобретения, против алчности, против хищения, против бесстыдства».

В культуре ренессансной представление о враче-философе развивает Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст из Гогенгейма, известный как Парацельс. Гогенгейм считал, что философия необходима для любого врача. Медико-философские эссе мы находим в книгах «Парамирум» и «Парагранум». В одной из базельских лекций, прочитанных на латыни, рассказывается об отношении медицины и

философии: «Там, где заканчивается врач, начинается философ... тем самым философ рождается из врача, а не врач из философа». По мнению Гогенгейма, это правило наглядно демонстрирует себя на практике: «Из лечения проистекает философия, а не наоборот» [1. С. 360].

Только практическим путем можно приобрести столь ценимую Парацельсом опытность, познать истинную философию, войти в понимание природы, научиться видеть корни болезней и распознавать способы их врачевания. В свою очередь, дух мудрости, «который и формирует наш опыт», выступает как основа практических навыков. «Основа» имеет много общего с «пониманием болезней, которым должен обладать всякий врач». Если основа открывается вне философии, она, по мнению Парацельса, заведомо ложна.

Обобщенное понятие философии у Гогенгейма, включающее все многообразные взаимосвязи, предполагающее гармонию внешнего и внутреннего, а также взаимное отражение микро- и макрокосма, заключено в термине «знание». Термин «знание» позже был развит им в «Лабиринте заблуждающихся врачей». Именно в свете этого термина Парацельс говорил, что философ начинается там, где заканчивается врач. В «Лабиринте заблуждающихся врачей» этот тезис сформулирован с обратным знаком: «там, где заканчивается философ, начинается врач». Знание, или *scientia*, является основным понятием философии Гогенгейма. Знание неразрывно связано с экспериментом и опытом, «опытностью». Поэтому философия Гогенгейма носит практический (и герметический) характер.

Создатель науки этики Аристотель относил ее к практическим знаниям. И. Кант называл этику «практической философией». В истории культуры неслучайна связь фундаментальной, философской этики и этики медицинской. В образе врача-философа соединяются как глубокие теоретические знания, так и практические навыки, а также нравственные добродетели.

Парацельс подчеркивал такую черту характера врача, как *сила воли*. «Сила воли есть главное в медицине. Человек доброжелательный оказывает благотворное влияние. Тот, кто завидует всем и всему и ненавидит самое себя, может ощущать на себе последствия собственных злых мыслей. Изображения могут быть прокляты и наводить на тех, кого они представляют, болезни, как то: лихорадка, падучая, апоплексия и прочие. Я говорю серьезно, ибо врачам нашим ведомы лишь весьма немногие из тех сил, что даются волею. Воля творит духов (силы), не обладающих собственным разумом, но подчиняющихся слепо» [2. С. 154–155].

Сила воображения есть также важнейшее качество врача-философа. Парацельс считал, что врачи должны знать причины некоторых таинственных болезней: «Например, порою колдуны создают изображение человека, которому желают нанести вред, и вбивают гвоздь в ногу этого изображения; при этом злая воля и дурные мысли вызывают у человека сильнейшую боль в ноге, и он не сможет ходить до тех пор, пока гвоздь из изображения не будет вынут. Ныне врач, сталкиваясь с подобным случаем и не ведая, что причиняет боль ноге больного, не может исцелить его; но знай он источник, он использовал бы силу своего воображения для противодействия злу, совершенному сходной силою» [Там же. С. 153–154].

Конечно, сейчас этот пассаж может вызвать улыбку. Но иногда подобный ход мыслей, в соответствии с «естественной магией» Парацельса, приводил к предвосхищению открытий современной науки. Парацельс говорил о некой невидимой форме. «*Menstruum*, посредством которого воля может осуществлять доброе или злое воздействие, есть живая *Mumia*. *Mumia* – это форма, содержащая эссенцию жизни... В *Mumia* живого существа заключены свойства существа, из которого она извлечена... наиболее здоровая животная пища есть мясо птиц, ибо они живут в воздухе, воздух же есть возвышеннейшая из четырех стихий... Наибольшую силою обладает *Mumia* людей физически здоровых и умерших внезапною

смертью, к примеру повешенных, обезглавленных или колесованных. Человек, медленно умирающий от болезни, теряет свои силы еще до того, как умрет, и гниение в подобных случаях зачастую начинается, когда больной еще жив. Его *Mumia* будет никчемной. Но если бы врачи знали бы сокрытую силу *Mumia* людей, умерших внезапно, они не позволяли бы телам казненных преступников по три дня висеть на виселицах, но забирали их и использовали для своих надобностей» [2. С. 159]. Несмотря на фантастичность подобных рассуждений Парацельса, практика современной трансплантологии, как представляется, является практическим воплощением рекомендаций Парацельса.

При всей сложности и противоречивости своей натуры Гогенгейм был глубоко верующим человеком. *Вера* называлась им важнейшим условием деятельности врача-философа, ибо «нужна лишь глубокая вера в великую силу всеобщего блага, которая может совершить всё, если действует через разум человека, пребывающего в гармонии с нею, и без которой ни в чем нельзя добиться успеха. Истинная магическая сила заключена в истинной вере, истинная же вера основывается на знании, и без знания не может быть веры». В этом высказывании Парацельса отразилось несомненное влияние христианской этики, в которой *вера*, вместе с *надеждой* и *любовью*, является важнейшей добродетелью.

Первые две исторические формы врачебной этики, выделенные известным отечественным специалистом по биоэтике проф. И. В. Силуяновой, были названы именами Гиппократ и Парацельса: модель Гиппократ и принцип «Не навреди»; принцип «Делай добро» (модель Парацельса). И. В. Силуянова пишет о нравственной основе взаимоотношения пациента и врача во второй модели: «Модель Парацельса» – это форма врачебной этики, в рамках которой нравственное отношение с пациентом понимается как составляющая стратегии терапевтического поведения врача.

В границах «модели Парацельса» в полной мере развивается патернализм как тип взаимосвязи врача и пациента. Медицинская культура использует латинское понятие *pater* – «отец», распространяемое христианством не только на священника, но и на Бога. Смысл слова «отец» в патернализме фиксирует, что «образцом» связей между врачом и пациентом являются не только кровнородственные отношения, для которых характерны положительные психоэмоциональные привязанности и социально-моральная ответственность, но и «целебность», «божественность» самого «контакта» врача и больного.

Эта «целебность» и «божественность» определена, задана добродетелью врача, направленностью его воли к благу больного. Неудивительно, что основным моральным принципом, формирующимся в границах данной модели, является принцип «делай добро», благо, или «твори любовь», благодеяние, милосердие. Врачевание – это организованное осуществление добра. Добро же по сути своей имеет божественное происхождение. «Всякое даяние доброе... исходит свыше, от Отца светов» (Иак. 1, 17). Парацельс учил: «Сила врача – в его сердце, работа его должна руководствоваться Богом и освещаться естественным светом и опытом; важнейшая основа лекарства – любовь» [3].

Новая форма врачебной этики задает и новый образ врача-философа.

Таким образом, две культурные формы оказываются неразрывно связаны, обогащая смысловое содержание друг друга. Понятие «культурная форма» заимствовано нами из работ авторитетного российского ученого в области философской антропологии и философии культуры проф. Л. А. Мясниковой. Л. А. Мясникова замечает, что понятие «культурная форма» подсказано работами О. М. Фрейденаберг, но вкладывает в него свое содержание: «Культурная форма – тип объективации смысла эпохи, его "предметность". Именно через нее человек постигает мир. Это культурно-историческое выявление и фиксирование смыслового содер-

жания эпохи, выражение духа эпохи, миропонимание, объективированное во внутреннем строе, "логике" эпохи» [4. С. 114–115]. Культурная форма создает, «отливает» культурно-определенную модель мира и человека в нем.

Культурные формы, возникнув однажды, не исчезают, а только модифицируются. Тому, что было создано культурой в одно время, в другой эпохе придается иной смысл, но старое качество и старый смысл не исчезают совсем, они как бы таятся внутри нового смысла. Поэтому всякая культурная форма полисимволична, это «матрешка смыслов» [Там же].

В связи с этим справедливо будет упомянуть еще один культурный феномен эпохи Возрождения, обогативший новыми смыслами образ врача-философа. Это герметическая философия XVI–XVII вв. с фигурами мага и алхимика. Например, Агриппа Неттесгеймский в «Тайной философии» уточняет, какая именно вера необходима настоящему магу: «Чтобы заниматься магией, следует иметь постоянство в вере, быть уверенным и не сомневаться в результате. Неверие и сомнения разрушают свойства разума оператора, поскольку он оказывается посередине между двумя крайностями, отчего влияния высших сил становятся ему недоступными, ибо это возможно лишь при твердой вере разума» [5. С. 18]. Поэтому исследователь алхимических трактатов XVI–XVII вв. О. В. Клещевич замечает, что здесь Вера подается уже не в христианском звучании. В творчестве Парацельса, на наш взгляд, эти два звучания гармонически соединяются, но «первый голос» принадлежит все-таки христианскому пониманию.

В самой личности Парацельса неразрывно связаны врач-философ, алхимик и маг. Не случайно, рассуждая о знании, Парацельс вспоминает о *магии*. Познание представляет собой симпатический процесс, исследователь природы должен буквально слиться с нею. Микрокосм един с макрокосмом. Здесь философия Парацельса балансирует на грани между мистикой и пантеизмом. Но она не переходит этой грани, поскольку высказывается от имени врача. Для врача главным условием познания природы является любовь.

Магия в понимании Парацельса не сводится к волшебству и колдовским пассам. В девятой книге «Лабиринта» магия называется анатомией медицины, ее сокровеннейшим лекарством, которое начинает действовать после того, как все остальные средства испробованы. Она помогает врачу глубже вникнуть в причины болезни и проникнуть в суть вещей. Гогенгейм иллюстрирует эту мысль на примере быка. «Магия, – пишет он, – является анатомией медицины. Например, мясник, разделывая быка, видит всё то, что ранее было скрыто под кожей» [1. С. 369]. Но в отличие от мясника магия, или «изобретательное искусство», как называет ее Парацельс, избегает даже намека на убийство. Человек, жаждущий знания, смотрит на живое и наблюдает, как на этом живом постепенно проступает его основа.

Тесная взаимосвязь философии, магии и медицины у Гогенгейма является ярким проявлением ренессансной традиции.

Таким образом, благодаря христианскому миропониманию, герметической философии и новой форме врачебной этики античный образ совершенного врача-философа наполняется глубоким духовным смыслом. Сам Парацельс стал его воплощением. Примеры тяжелых соматических и психических заболеваний, описанные им, могли побудить даже верующего человека усомниться в разумности мироздания. Но, несмотря на жизненные трудности, бедность и разочарования, Парацельс оставался верен миссии врача. Вопреки всем историям об изготовлении золота, бедность, эта «лживая шлюха», по выражению самого Парацельса, следовала за Гогенгеймом по пятам всю жизнь. Пирмин Майер пишет: «Бедность приобрела в мировоззрении Гогенгейма экзистенциальную сущность и стала частью его жизненной философии: "Блажен и присноблажен тот человек, которого Бог благословил бедностью". Бедность врача, сопряженная с его "благочестием" и

постоянным странничеством, по прошествии нескольких поколений оказалась неразрывно связанной с образом Парацельса, созданным им самим» [1. С. 51]. Известно, что ближайшие друзья Гогенгейма получили в память о нем «десять гульденов в монетах». *Бедность, благочестие и целомудрие* есть важнейшие качества врача.

Гогенгейм следовал традиции, заложенной Гиппократом. *Ars longa, vita brevis est*, т. е. врачебное искусство – это в большей мере искусство, нежели наука. При этом искусство самое высокое и благородное.

В «Великой астрономии», изданной в 1537 году, Парацельс, глядя на мир с высоты всеобъемлющей космофизики, чрезвычайно высоко оценивает статус врача и пророка (*vates et medicus*): «Разве есть на свете что-нибудь скрытое от подлинного пророка и неизвестное ему? И кого можно поставить превыше доктора? Они словно бы объяты пламенем, и, подобно огню, сверкают они своими трудами» [Там же. С. 36].

В нравственном отношении врач и пророк выступают защитниками правды и справедливости. Именно в этом смысле в книге «Парамирум» употребляется образное понятие огня. Человек и лекарство испытываются огнем. *Из огня рождается врач*.

Подводя итоги, скажем, что в творчестве и судьбе легендарного Парацельса отразился новыми гранями сверкающий образ врача-философа.

Литература

1. Майер П. Парацельс – врач и провидец. Размышления о Теофрасте фон Гогенгейме. – М. : Алетейя, 2003.
2. Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения : пер. с англ. – М. : Культурный центр «Новый Акрополь», 2009, 272 с. : ил.
3. Избранные лекции по биоэтике РГМУ им Н. И. Пирогова. – Лекция 1.
4. Мясникова Л. А. Тайна и смысл индивидуального бытия. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1993.
5. Клещевич О. В. Этические воззрения авторов алхимических трактатов XVI–XVII вв. как культурный феномен позднего Возрождения // Вопросы культурологии. – 2010. – № 10.